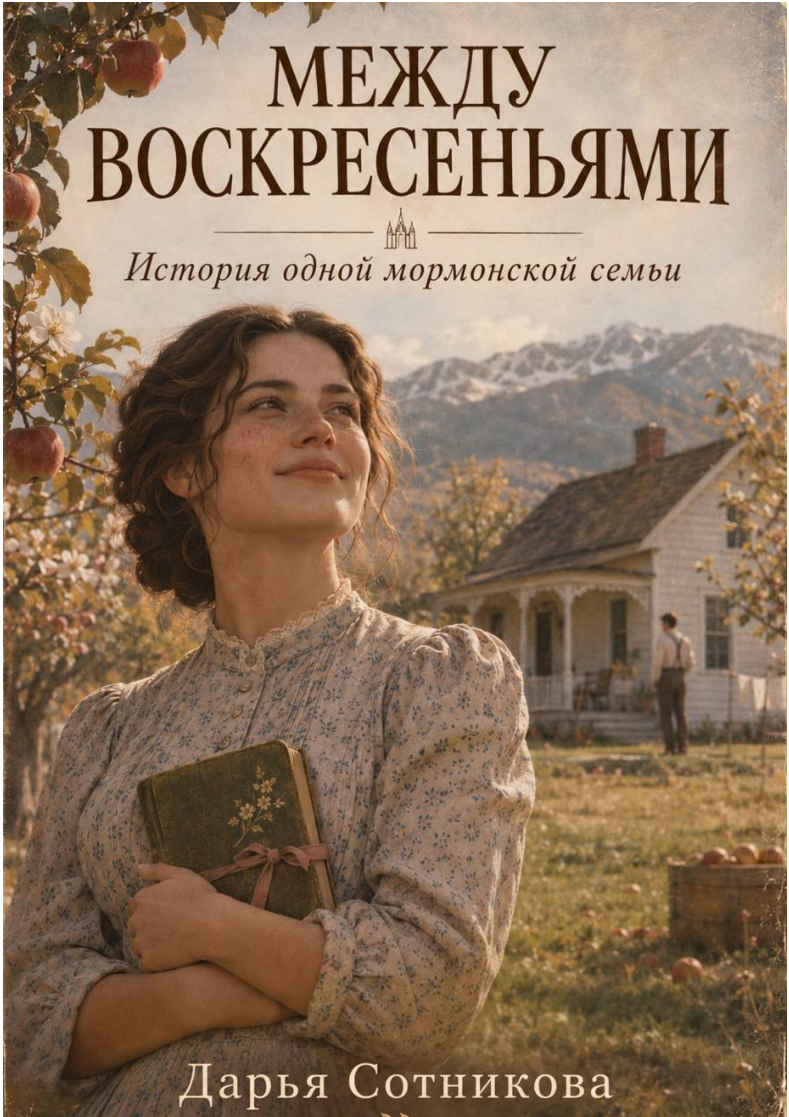

МЕЖДУ
ВОСКРЕСЕНЬЯМИ
История одной мормонской семьи
Дарья Сотникова

Donna Darsi

Между воскресеньями. История одной мормонской семьи.

https://litres.ru/74793028
SelfPub; 2026

Аннотация

1919 год. Бригам-Сити, штат Юта.

В свой двадцатый день рождения Рут Эванс получает от бабушки необычный подарок - толстую тетрадь с просьбой записывать всё, что принесёт ей жизнь. Девушка ещё не знает, что совсем скоро встретит Томаса Беннетта, влюбится и даст обещание быть рядом с ним не только до конца земной жизни, но и в вечности.

Впереди у них десять детей, десятилетия супружества, Великая депрессия, война, болезни, семейные праздники, тяжёлые потери и тысячи обыкновенных дней, из которых складывается человеческая судьба.

«Между воскресеньями» — история одной мормонской семьи, рассказанная женщиной, которая всю жизнь пыталась понять, как оставаться верной Богу, любимым людям и самой себе.

Содержание

Глава 1 4
Конец ознакомительного фрагмента. 14

Donna Darsi
Между воскресеньями. История одной мормонской семьи.

Глава 1

Бригам-Сити, штат Юта. 13 сентября 1986 года.

Сегодня мне исполнилось восемьдесят семь, а внучка Кэтрин спросила, зачем я всю жизнь записывала то, что можно было просто запомнить.

Я не стала объяснять ей, сколько всего уходит из памяти раньше, чем из жизни. Она ещё молода: ей кажется, что всё самое важное обязательно останется с ней. Когда-то и я была в этом уверена. Однако сегодня утром не смогла припомнить, какой именно была синяя лента на моём первом праздничном платье: васильковой или цвета дождливого неба. А ведь я помню, что в тот вечер Томас разлил лимонад и так старательно делал вид, будто ничего не произошло, что половина молодёжи обернулась посмотреть на него.

Верхняя полка шкафа забита тетрадями. На одной остались следы молока, на другой — бурые пятна яблочного ва-

ренья. У третьей оторван угол, потому что наш Бенджамин в четыре года решил, что мамина писанина годится для изготовления бумажного корабля. Есть страница, которую я сама вырвала в гневе, а потом всю жизнь жалела: теперь уже не вспомню, что именно сказала тогда Томасу, но прекрасно помню, как мне хотелось заставить его пожалеть об этом.

Не всё здесь достойно чтения. Я бы предпочла, чтобы дети никогда не увидели моих обид на них, на их отца, а иногда и на Господа. Но если уничтожить все стыдные страницы, останется не жизнь, а аккуратная брошюра, в которой мать никогда не устаёт, супруги не ссорятся, а молитвы всегда получают именно тот ответ, которого просят.

Бабушка Эстер, подарившая первую тетрадь, назвала бы такую брошюру ложью. Ей следует верить: она вырастила девятерых детей и умудрялась при этом сердиться на деда почти ежедневно, не переставая его любить.

Кэтрин попросила разрешения прочесть самый первый дневник. Я отвязала ленту и подала ей тетрадь с потёртыми коричневыми углами. От бумаги пахло пылью, а между страницами лежал засушенный яблоневый лепесток, происхождения которого я уже не помнила.

На первой странице были слова, написанные так старательно, будто за почерк собирались поставить школьную отметку: «Меня зовут Рут Эванс. Сегодня мне двадцать лет, и я ещё не знаю, кем стану».

Я улыбнулась. Девочка, которая вывела эти строки, мно-

гое не знала, и не только о себе. Она не могла вообразить, сколько детей будет кормить за одним столом, что однажды пересчитает последние монеты в жестяной коробке, сколько писем испишет, ожидая новостей из-за океана, и как трудно порой бывает выполнить обещание, произнесённое с совершенно счастливым сердцем.

Однако сейчас я не стану рассказывать, что с ней произошло. У неё впереди вся жизнь, и я не хочу отнимать у неё право удивляться.

Пусть всё начнётся с того сентябрьского вечера, когда одна женщина подарила другой тетрадь, а молодой человек, которого я ещё не знала, пришёл на танцы в испачканной манжете.

Часть первая. Пока я была просто Рут

Глава 1. Девушка в голубом платье

Бригам-Сити. 13 сентября 1919 года, суббота.

Сегодня мне исполнилось двадцать лет. Если это обстоятельство и сделало меня мудрее, то за весь день я не обнаружила тому доказательств: утром рассердилась из-за исчезнувшей ленты для волос, днём спорила с отцом, а вечером дважды рассмеялась в самый неподходящий момент перед незнакомым молодым человеком.

Впрочем, главное случилось раньше завтрака. Бабушка Эстер положила на мою тарелку тетрадь с коричневым переплётом и велела писать обо всём, что со мной происходит.

— О чём именно? — спросила я, переворачивая подарок

в руках. — О том, как я сегодня трижды мыла одну и ту же кастрюлю, потому что Джейми решил сварить в ней кашу для кота?

— И об этом тоже. Когда состаришься, будешь благодарна за каждую подробность. Особенно если кот переживёт кастрюлю.

У бабушки больные колени, девять детей в прошлом и неиссякаемый запас замечаний к настоящему. Она приехала к нам на лето, но дедушка всё ещё ремонтирует их дом, поэтому, подозреваю, останется до Рождества. Я этому рада, хотя вчера она назвала мою шляпу «прекрасным способом показать всем, что девушка не имеет собственного вкуса».

За чаем из мяты бабушка спросила, представляю ли я, о чём мечтала она в двадцать лет. Я ответила, что, конечно, о дедушке. Тогда она фыркнула так громко, что мама уронила ложку.

Оказалось, бабушка хотела учить детей, однажды увидеть Тихий океан и иметь собственный шкаф для книг. Она даже собиралась уехать работать в школу, но заболела её мать, потом появился дедушка, потом первый ребёнок, и всякий раз находились причины отложить дорогу к воде. Я не осмелилась сказать, что в наши дни поездка к океану — не то же самое, что путешествие на Луну: бабушка уже знает это лучше меня.

— Я любила своих детей, Рут, — произнесла она, словно услышала мои мысли. — Но я существовала и до того, как

они родились. Помни об этом, когда станешь матерью.

Мама отвернулась к окну, где возле яблони спорили Джейми и Элис. Я хотела спросить её, думала ли она когда-нибудь так же, но бабушка уже подталкивала ко мне тетрадь.

— Записывай не только благословения. Обижаться, бояться и ошибаться ты тоже будешь. Не вздумай через сорок лет изображать из себя женщину, которая всегда знала, что делает.

С этим поручением я могла справиться, потому что уже сейчас совершенно не знаю, что делаю.

Меня зовут Рут Эванс. Отец, Джеймс, занимается фруктовым хозяйством, мама Марта держит в порядке наш дом и семерых детей, хотя упоминание порядка в нашей семье всегда связано с некоторой долей надежды. Я окончила школу и помогаю миссис Харлоу заниматься с младшими учениками; однажды хотела бы стать настоящей учительницей. Мы принадлежим к Церкви Иисуса Христа Святых последних дней. Я не помню ни одного возраста, в котором молитва перед сном казалась бы мне чем-то чужим, хотя иногда она больше похожа на длинный перечень родственников, которым нужна помощь.

Наш город находится между горами и фруктовыми садами. Весной здесь цветут деревья, а осенью отец приносит домой столько ящиков, что мама угрожает посадить его самого в один из них и отвезти на рынок. По вечерам можно услы-

шать железную дорогу, и всякий раз этот звук заставляет меня думать, сколько существует мест, которых я ещё не видела.

Сегодня мы собирались на танцевальный вечер церковной молодёжи. После гриппозной беды прошлого года общественные встречи приобрели особую ценность: слишком много недель мы просидели по домам, слишком часто слышали о заболевших соседях. Мама до сих пор просит младших не брать чужие чашки, а бабушка считает, что осторожности никогда не бывает достаточно.

Моё новое голубое платье мама закончила вчера. Когда я надевала его, Элис влетела в спальню, схватила со стола ленту и заявила, что такая красавица непременно вернётся с женихом. Ей тринадцать, и она смотрит на брак как на ярмарочный приз, хотя даже с собственными туфлями способна поссориться на целый вечер.

— Пожалуй, я начну с возвращения ленты, — сказала я.

— Ты всё время о чём-то распоряжаешься! — воскликнула сестра, но ленту вернула.

Когда я спустилась, отец оглядел меня и сделался неожиданно серьёзным. Мама поправила воротник, и я услышала, как она тихо сказала ему, что их старшая дочь уже взрослая. Отец тут же ответил, что это не причина позволять молодым людям слишком близко подходить к ней на танцах. Они спорили до самой двери, а потом отец поцеловал маму в висок, и спор был исчерпан. Я люблю наблюдать за ними, когда

они забывают, что мы смотрим: за двадцать шесть лет брака у них сложился свой язык, в котором строгое слово иногда означает нежность, а молчание — обещание помочь.

На вечере нас встретили ленты на стенах, голоса, музыка и запах печенья. Я успела поздороваться с подругами, прежде чем брат Дженкинс попросил меня на танец. Он добрый молодой человек, аккуратно читает вслух и всегда почтителен к старшим; жаль только, что его ноги не разделяют хороших намерений хозяина. Когда он в третий раз наступил на подол моего платья, я попросила позволения отойти за лимонадом.

Возле окна стоял высокий молодой человек в тёмном костюме, который безуспешно пытался стереть пятно масла с манжеты. Он оглядел моё платье и заметил:

— Надеюсь, Дженкинс оставил вам обе ноги. В прошлом году он танцевал с моей кузиной, и ей понадобилось два дня, чтобы снова довериться собственным туфлям.

Это было ужасно невежливо, и я намеревалась строго объяснить ему, что нельзя обсуждать людей за их спиной. Однако незнакомец смотрел на меня с таким неподдельным беспокойством, нарочно преувеличенным, что я рассмеялась раньше, чем успела произнести замечание.

Он назвался Томасом Беннеттом, сказал, что работает механиком и приехал потому, что его мать уверена: молодой человек, проводящий вечера среди железных деталей, рискует однажды жениться на неисправном насосе.

— Полагаю, насос хотя бы не стал бы спорить, — заметила

я.

— Вы удивитесь. Некоторые из них отвечают громче любого человека.

Томасу двадцать три года. У него тёмные волосы, серые глаза, сильные руки, а когда он смеётся, лицо из серьёзного становится почти мальчишеским. Мне понравилось, что, узнав о моей работе в школе, он не стал рассуждать, чем девушке лучше заниматься до замужества, а спросил, почему я люблю учить детей. Я рассказала о маленькой Мэй, которая на прошлой неделе сама прочла целое предложение и потом весь день носила книгу под мышкой, как великое сокровище.

— Вы рассказываете о ней так, будто она пересекла океан, — заметил Томас.

— Для неё так и было. Сначала она видела только буквы, а потом вдруг открыла целый мир.

Он поглядел на меня внимательнее, чем позволяли правила непринуждённого разговора, и предложил потанцевать.

Томас танцует хорошо. По крайней мере, мне ни разу не пришлось спасать платье, а потому, когда музыка началась снова, я согласилась и на второй танец. Мы говорили о Бригам-Сити, о мастерской и о его младшей сестре, но тут он на мгновение замолчал, так что я не решилась расспрашивать. Позднее, когда мы расставались, он попросил разрешения в следующее воскресенье проводить меня после собрания.

Я сказала, что не привыкла назначать прогулки совершенно незнакомым людям.

— К тому времени мы будем знакомы больше недели, — возразил он. — Это уже внушительный срок, если сравнить с сегодняшними двумя часами.

Я согласилась.

Элис видела наш разговор и за ужином смотрела на меня с таким торжеством, что мне пришлось напомнить ей о трёх порциях печенья, которые она съела до начала танцев. Бабушка же ничего не спросила. Она только подвинула ко мне тетрадь, когда я проходила мимо её кресла, и приподняла бровь.

Поэтому я пишу. Мне приятно вспомнить этот вечер и немного неловко признать, что я уже дважды перечитала собственную запись о Томасе.

P. S. Он сказал, что у меня красивые глаза. Почему-то именно об этом я чуть было не забыла написать.

17 сентября 1919 года, среда.

Сегодня после занятий миссис Харлоу задержала меня, чтобы разобрать ящик с потрёпанными читанками. Между страницами нашлись забытые детские рисунки, засушенный клевер и записка мальчика, который умолял будущую жену никогда не заставлять его есть варёную репу. Я невольно рассмеялась, а потом подумала, что чужие мечты хранятся иногда в самых неподходящих местах. Мне захотелось спросить, где теперь этот мальчик и удалось ли ему избежать репы, но миссис Харлоу уже поручила мне приготовить карточки для тех, кто только начинает разбирать слова.

Я провела в школе дольше, чем обещала маме. Когда вышла, отец как раз проезжал по улице с пустыми ящиками. Он велел садиться на повозку и по дороге спросил, правда ли, что на танцах я познакомилась с Беннеттом. Я спросила в ответ, кто рассказал. «В городе, где мать покупает сахар, а дочь — ленту, люди умеют складывать два и два», — сказал отец. Потом выяснилось, что Томас когда-то помог ему починить повреждённую ось и не взял платы, потому что поломка случилась в дождь, вдали от дома. «Это не рекомендация к браку, — добавил отец, заметив моё лицо. — Просто человек знает, чем отличается неприятность от возможности заработать». Я была тронута и досадовала на себя за то, что он это заметил.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.